

МОДЕЛИ КОММУНИКАЦИИ КАК ФОРМЫ ОРГАНИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОГО ОПЫТА

Главной функцией повседневной речевой коммуникации является регулирование социального взаимодействия. Складывающийся в процессе осуществления речевых практик коммуникативный опыт объединяет членов некоторого коллектива, становясь необходимым элементом их обыденного знания, и благодаря этому позволяет им успешно организовывать совместную деятельность. Сама коммуникация (здесь имеется в виду, прежде всего, вербальная) является одним из видов такой деятельности, включенной в контекст неречевой [1]. В данной статье мы ставим задачу проанализировать структуру коммуникативного опыта, разделяемого членами некоторой социокультурной общности, представив его в виде моделей, обобщенно отражающих существенные компоненты этого опыта.

Мы исходим из того, что коммуникативное взаимодействие не существует вне социального контекста, и поэтому коммуникативный опыт людей является одной из составляющих их социального опыта, а коммуникативное взаимодействие есть определенный вид социального взаимодействия. С точки зрения деятельностного подхода к вопросам речевого общения, акт коммуникации по аналогии с актом деятельности характеризуется «единством трех фаз: а) ориентировка в условиях действия, создание плана, схемы выполнения задачи; б) исполнение программы, сформированной в результате ориентировки, осуществление контрольных операций; в) контрольное сличение процесса действия и эффекта действия с намерением внесения необходимых корректив» [1, с. 154]. Таким образом, в неоднократно повторяющихся в повседневной практике ситуациях коммуникативного взаимодействия такие программы постепенно типизируются его участниками и хранятся в их коллективной памяти в виде образцов, или шаблонов, структурирующих их коммуникативный опыт и позволяющих им достигать своих целей в процессе общения.

Возникновение типизированных образцов социального взаимодействия социология знания объясняет процессом хабиитуализации: «Всякая человеческая деятельность подвергается хабиитуализации, т.е. опривычиванию. Любое действие, которое часто повторяется, становится образцом, впоследствии оно может быть воспроизведено с экономией усилий, и ipso facto осознано как образец

его исполнителем" [2, с. 89]. Что касается процесса коммуникации, то он "в любом случае подвергается хабитуализации" [2, с. 97].

Стандартизация образцов взаимодействия между людьми происходит в результате типизации ситуаций, в контексте которых оно осуществляется. Ситуации являются формой хранения и передачи повседневного знания. Тип ситуации определяет цели, диспозиции и типы поведения ее участников: "... в большей части времени мои встречи с другими в повседневной жизни типичны в двойном смысле – я воспринимаю другого как тип и взаимодействую с ним в ситуации, которая сама по себе типична" [2, с. 55]. Поскольку повседневные речевые действия осуществляются в повторяющихся коммуникативных ситуациях, то переживаемый в них коммуникативный опыт будет типизироваться ее участниками в образцы коммуникативных ситуаций и образцы речевого поведения, реализуемые в них. Теория прагматической интерпретации дискурса опирается на положения о том, что в эпизодической памяти говорящих знание о коммуникативных ситуациях сохраняется в виде моделей, которые актуализируются всякий раз, когда коммуниканты порождают или воспринимают дискурс. С приобретением нового коммуникативного опыта эти модели могут подвергаться корректировке. Более обобщенные модели ситуаций, известные всем членам социума, хранятся в их памяти в виде фреймов или сценариев [3, с. 163]. Таким образом, чем чаще индивид оказывается включенным в разнообразные коммуникативные взаимодействия, тем шире диапазон того коммуникативного опыта, который он разделяет с другими.

Понимание дискурса участниками коммуникативного обмена во многом происходит благодаря тому, что он интерпретируется ими применительно к определенной модели, отражающей известную им коммуникативную ситуацию. "Фактически сама модель становится главной целью процесса понимания, в то время как репрезентация текста по большей части является лишь средством достижения этой цели" [3, с. 164]. Таким образом, участвуя в дискурсе, говорящие как бы разыгрывают знакомую им коммуникативную ситуацию, и их согласие достигается благодаря тому, что они трактуют ее сходным образом, демонстрируя тем самым общность своего предыдущего коммуникативного опыта и свою принадлежность одной "системе координат" в оценке событий, т.е. одной культурной традиции. Поэтому тип коммуникативной ситуации влияет на смысловую организацию дискурса, на диапазон тем, которые возможно обсудить или затронуть в ее пределах. Повседневное "коммуникативное знание", следовательно, включает в себя такой компонент, как тематический репертуар дискурса, порождаемого в той или иной ситуации.

Опыт взаимодействия в различных типах ситуаций формирует у говорящих репертуар типизированных речевых действий, репрезентирующих те социальные роли, в которых они выступают. Очевидно, что у каждого такой репертуар индивидуален, ведь опыт речевой коммуникации у человека формируется в тех коллективах, в которых ему доводится осуществлять свою деятельность, и в каждом таком микроколлективе формируются определенные стандарты ролевого речевого поведения применительно к общеизвестным коммуникативным ситуациям. На более высоком уровне обобщения можно говорить о стандартах речевого поведения, известных всем членам социума. "В общем запасе знания существуют стандарты ролевого исполнения, которые доступны всем членам общества или по крайней мере тем, кто является потенциальным исполнителем рассматриваемых ролей. Сама эта общедоступность – часть того же запаса знания; общедоступны не только стандарты роли X, но известно, что эти стандарты известны" [2, с. 123]. Типы речевых действий организуются в стратегии достижения прагматических и коммуникативных целей в той или иной коммуникативной ситуации. Наивысшую

степень стандартизации речевых стратегий демонстрируют ритуальные формы коммуникации – приветствия, прощания, приглашения, военные приказы и пр., строгое исполнение которых превращается в самоцель, являясь главным условием успешного проигрывания “канонизированной” ситуации.

Таким образом, коммуникативный опыт, разделяемый членами одного социума и являющийся частью их повседневного знания, можно представить как совокупность моделей, имеющих следующую структуру:

1. Коммуникативная ситуация,

складывающаяся в контексте некоторой социальной ситуации.

2. Коммуниканты (К1, К2, К3 и т.д.),

исполняющие определенные социальные роли, которые находят свое выражение в

3. Ролевых речевых действиях,

осуществляемых с помощью

4. Стандартных речевых стратегий.

5. Уровень смысловой организации дискурса.

Кристаллизуясь в такие модели, коммуникативный опыт всех членов социума является одним из сегментов их обыденного знания, существующего в виде общеизвестных правил осуществления речевых взаимодействий. С течением времени модели утрачивают свою обусловленность и мотивированность социальным контекстом и становятся для говорящих частью нерелевантного, само собой разумеющегося порядка, объясняемого по формуле: “Так заведено”. Поскольку “зачатки институционализации появляются в каждой социальной ситуации, продолжающейся какое-то время” [2, с. 99], то организованное в модели коммуникативное знание, представляя собой социально значимую информацию и выполняя функцию стандартизированных программ речевого взаимодействия, институционализируется культурой, благодаря чему сохраняется в качестве объективированной нормы, транслируемой по каналам традиции последующим поколениям. Таким образом, модели коммуникации как формы организации социально обусловленного коммуникативного опыта и как типизированные способы осуществления речевых взаимодействий являются культурными программами, выполняющими кумулятивную функцию, благодаря которым социальная коммуникация приобретает упорядоченный характер.

В ходе социализации индивид постепенно научается идентифицировать себя с определенной культурной традицией общения, предполагающей не только знание языка, но и владение стандартами коммуникативного поведения. Ситуации межкультурного общения, в которых часты случаи непонимания между его участниками, разрушают иллюзию объективности моделей, демонстрируя их “рукотворный” характер и социокультурную относительность. Даже зная язык, человеку другой культуры сложно коммуницировать без опыта общения в контексте чужой для него “коммуникативной традиции”. Модели коммуникации, фиксирующие накопленный членами одного сообщества опыт общения, являются тем фоновым знанием, благодаря которому говорящие могут понимать подразумеваемую, не выраженную вербально информацию, содержащуюся в дискурсе, а также обмениваться эллиптическими (сокращенными) формами речевых высказываний без значительных смысловых потерь. Обмениваясь речевыми сообщениями, говорящие одновременно актуализируют известную им модель со всеми имплицитно содержащимися в ней социокультурными значениями, которые они разделяют. Культурная антропология приводит многочисленные примеры различий коммуни-

кативного поведіння і, в частині речевого, в умовах інваріантних комунікативних ситуацій. Це пояснюється різницями в традиціях їх інтерпретацій. В моделях ситуацій, зберігаються в когнітивних структурах пам'яті говорящих, відображені не тільки їх знання, але і "мніня про конкретних подіях або ситуаціях" [3, с. 163]. В контексті однієї культурної традиції оцінки і мніня людей відносно тієї або іншої ситуації є во багатьох схожими, оскільки складаються в межах однієї ціннісної "системи відліку", що, в свою чергу, сприяє більш адекватному розумінню взаємних намірів в здійсненні речевих дій. Обсяг тематического репертуара дискурсу, породжуваного в умовах певної комунікативної ситуації, з теченням часу все більше віддаляється від моменту свого вільного створення в спонтанних актах речевого обміну і поступово перетворюється в канон, регламентований культурою (о чому прийнято або не прийнято говорити в такого роду комунікативній ситуації), набуває чітко очерчені межі. Таким чином, стихійно виникаюча в ході соціального взаємодія повсякденна речева комунікація через акти типізації набуває свою історію, співучастність якої формує єдине комунікативне суспільство.

Типізована в образці речевих дій дискурсивна практика є "матеріальним" втіленням моделі, "осязуваною" фактом її існування в культурі. Результатом типізації речевих висловлювань є "речеві жанри" (М.М.Бахтін) як канонізовані культурою форми здійснення речевого взаємодія. "Ми говоримо тільки певними речевими жанрами, т.є. всі наші висловлювання мають певними і відносно стійкими типовими формами побудови цілого" [4, с. 263]. Згідно Бахтіну, знати мову означає вміти будувати на ній висловлювання в певних ситуаціях речевого спілкування, і це вміння набувається в процесі засвоєння уже існуючих чужих висловлювань. Речева спілкування (письмове і усне) відрізняється від стійких форм – речеві жанри, які М.М.Бахтін визначає як "типові моделі побудови речевого цілого" [5, с. 324].

Речеві жанри складаються в певних сферах спілкування. Отже, їх можна розглядати як закріплені культурою стійкі форми репрезентації певних соціальних ролей. Люди навчаються будувати висловлювання застосовуючи до тієї або іншої ситуації, в якій вони проявляють себе як власники тієї або іншої соціальної позиції.

Таким чином, моделі комунікації як інституціональні форми стандартизованого речевого взаємодія, здійснюваного в межах соціального, характеризуються єдиністю трьох компонентів: комунікативної ситуації (розкриваючої в контексті соціальної), виконуваних її учасниками комунікативних ролей (визначених їх соціальною позицією), і типізованих речевих дій, за допомогою яких ці ролі можуть бути реалізовані. Як результат багаторазово повторюваної комунікативної практики, моделі входять в масив побутового знання, завдяки чому підтримується стійкість соціального порядку. Існування моделей обумовлено тим, що повсякденна комунікація, як правило, зосереджена навколо стандартних ситуацій, питань і тем. Семантичне простір дискурсу, породжуваного в її межах, також стандартизовано, оскільки замикається горизонтом обговорення типізованих завдань. Вироблюваний стихійно, спільний комунікативний досвід людей з теченням часу "відливається" в канонізовані форми, об'єднуючі їх в єдину соціокультурну традицію спілкування. Моделі як форми організації соціально значущого досвіду повсякденної комунікації стають передумовою успішної реалізації

прагматических и коммуникативных намерений говорящих в ходе их речевых взаимодействий.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф., Шахнарович А.Н.** Теоретические и прикладные проблемы речевого общения. – М.: Наука, 1979.
2. **Бергер П., Лукман Т.** Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: Медиум, 1995.
3. **Ван Дейк Т.А.** Язык. Познание. Коммуникация. – М.: Прогресс, 1989.
4. **Бахтин М.М.** Проблема речевых жанров / Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1986.
5. **Бахтин М.М.** Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках / Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1986.

SUMMARY

The article is devoted to the analysis of communication processes that included into people everyday relations. Communication is presented as a type of social interaction. Its practice forms general communicative experience that is a possession of "the rules" of communicative interaction, which are accepted in one or another group. Communicative experience as a component of an ordinary knowledge is studied from the positions of sociology of knowledge and presented in the form of models, the structure of which reflects socially important elements of this experience. Models of communication are understood as the forms of organization of the speech interaction, in which cultural tradition of intercourse is crystallized.